

Цзян Цяньэр нахмурилась, и в её душе зазвучали тревожные колокола.

Эта Сяо Яньси определенно действовала намеренно и расчетливо.

Раз уж у неё не вышло подсидеть Цзян Цяньэр, она перешла к грязным методам. Правду говорят в историях о коварных разлучницах: такая женщина, словно злобная соперница, готова на всё, лишь бы вырвать и присвоить то, от чего когда-то сама же отказалась.

Цзян Цяньэр прямо спросила, глядя в самую суть:

— Сяо Яньси тебе сказала, что если твой брат женится на ней, то все проблемы разом исчезнут?

Чжоу Сюэр замерла. Она вспомнила слова Сяо Яньси о том, что та вовсе не хочет выходить за Чжоу Шаньцзу, что это он её принуждает. И если бы только брат Сюэр развелся с Цзян Цяньэр и сошелся с ней, Сяо Яньси не пришлось бы выходить за мясника и становиться мачехой для четверых его детей.

— Да! — выпалил прямолинейный Чжоу Шаньхай, совершенно позабыв о недавнем предупреждении старшего брата. Он принялся отчитывать Цзян Цяньэр, не скрывая своего презрения: — Именно из-за тебя, вдовы-губительницы, которая вышла за моего брата и заняла место сестрицы Яньси, Чжоу Шаньцзу и смог воспользоваться случаем! Если бы не ты, сестрица Яньси вышла бы за моего брата, и мачехе не пришлось бы ломать голову, как выдать мою сестру за мясника из деревни Хэшан. Это всё ты, ты, несчастливая вдова!

Раздался грохот.

Слова Чжоу Шаньхая оборвались, когда сломанный стул, брошенный в него, с глухим звуком ударился о пол.

— Второй брат... Старший брат... — Чжоу Сюэр не могла поверить, что её брат решился запустить табуретом в младшего, едва не угодив ему в голову.

Чжоу Шаньхай вытаращил глаза, глядя на брата, сидящего на канне:

— Брат, ты из-за неё? Ради какой-то чужачки ты поднял на меня руку?

Для него та, что сейчас была в теле Цзян Цяньэр, не была прежней Цзян Цяньэр. Она была словно маленькая глупышка, которая всем сердцем и всей душой полагалась на него. И вот теперь его родной брат тычет в неё пальцем, оскорбляет, а она лишь испуганно теребит подол юбки.

Чжоу Синшань с помрачневшим лицом произнес глухим голосом:

— Я же говорил тебе сегодня днем: она ваша невестка, моя жена. Пока я жив, никто не смеет называть её вдовой. У тебя плохая память? Напомню. И заодно напомню насчет Сяо Яньси: я

перед ней ни в чем не виноват. Это не я отказался на ней жениться. Когда она увидела, что я стал калекой, что я парализован и не могу зарабатывать деньги, она испугалась трудностей и сама разорвала помолвку.

Он перевел тяжелый взгляд на брата:

— Если у тебя глаза не слепы, уши не глухи, а память работает исправно, ты должен помнить день моей свадьбы с Цзян Цяньэр. Она тогда пришла лично и вонзила мне нож прямо в сердце. Каждое её слово, каждую букву, каждое выражение лица ты должен был видеть.

Он родился гэрмом, лицом пошел в мать. Когда ему было восемь, а Шаньхаю один год, мать родила Сюэр, но не оправилась после родов и скончалась. Отец и бабушка решили, что в доме, где полно детей, без женщины не обойтись. Не прошло и ста дней после смерти матери, как бабушка подыскала отцу новую жену. Поначалу, пока своих детей не было, мачеха относилась к ним неплохо. Но стоило ей родить, как начались притеснения. Правду говорят: есть мачеха — есть и мачехин отец. Стоило ей нашептать что-то на ухо мужу, как отец начинал травить их вместе с ней.

Младшие были совсем крохами, а ему исполнилось десять. Работа в поле, готовка, стирка — всё легло на его плечи. Его не считали за гэрма, да и он сам перестал себя так воспринимать, считая себя мужчиной: не хотел выходить замуж, мечтал лишь взять жену. Чтобы прокормить брата и сестру, он в неполные пятнадцать лет подался в торговцы. Но в первый же год, когда он вернулся, мачеха попыталась выдать его замуж. Он отказался и сам нашел себе невесту — Сяо Яньси. Семья её была бедной, она была совсем юной, и он пообещал выплачивать по серебряному в год на её содержание. Семья Сяо согласилась, так он избежал замужества. Он работал на износ, брался за любую тяжелую работу, лишь бы заработать лишнюю монету для брата, сестры и для неё.

А потом он стал калекой, лишился возможности зарабатывать, и повзрослевшая Сяо Яньси прибежала расторгать помолвку. Он считал её своей женой, всё лучшее отдавал ей, а она никогда не видела в нём будущего мужа.

— Но, брат, — Чжоу Шаньхай, морщась от боли, не унимался, — если ты не прогонишь Цзян Цяньэр и не женишься на сестрице Яньси, Сюэр придется выйти за мясника из Шанхэ. А тому уже за тридцать, он почти на двадцать лет старше сестры!

Чжоу Синшань был не жесток и не забыл прошлое, просто жизнь научила его быть твердым, как железо:

— Чжоу Шаньхай, ты уже не ребенок. Слушай меня: Сяо Яньси сейчас требует, чтобы я выгнал Цзян Цяньэр — пусть мечтает. Я не женюсь на ней, она мне больше не нужна. Что касается тебя и Сюэр... Когда мачеха выгнала меня из дома, я спрашивал вас обоих. Вы не захотели уйти со мной, предпочли остаться в той семье. Теперь, когда мачеха решила выгодно продать Сюэр, вы должны были догадаться об этом давным-давно.

Лицо Чжоу Сюэр стало белее мела. Она бросилась к краю канна, заливаясь слезами:

— Брат, я была неправа! Я не хочу замуж, и не хочу, чтобы ты выгонял невестку. Пожалуйста, придумай что-нибудь, придумай, я умоляю тебя!

Мачеха была страшным человеком. Днем она подбила их с братом прийти к старшему брату требовать мясо, рис и муку. Но из-за Сяо Яньси они забыли о просьбе, и по возвращении мачеха больно щипала её, а Чжоу Цяоэр осыпала насмешками. Вечером, когда она приготовила ужин, вернулся Чжоу Шаньцзу и заявил, что Сяо Яньси требует десять серебряных, иначе не выйдет за него. Мачеха разозлилась, сказала, что не будет платить, но Шаньцзу устроил скандал, и мачеха решила отыграться на Сюэр. Чжоу Цяоэр подливала масла в огонь, не заботясь о судьбе сестры, лишь бы та вышла за мясника — мол, зато будет есть рис с жирным мясом.

Чжоу Синшань сидел на канне, с каменным лицом глядя на плачущую сестру, и в глубине души ненавидел себя за то, что стал калекой и не может никого защитить.

— Муж, — Цзян Цяньэр подняла сломанный стул, который швырнул муж, и, не желая ставить его в неловкое положение, тихо позвала: — Шаньхай и Сюэр, наверное, еще не ели? Я пойду приготовлю им поесть. А после они отдохнут здесь ночь, а завтра поговорим, хорошо?

Какая же она глупышка. Её сами готовы продать, а она еще и помогает другим.

Чжоу Синшань кивнул:

— Иди. Сюэр, если хотите есть, помогите невестке, не заставляйте её работать в одиночку.

Чжоу Сюэр, услышав, что брат готов помочь, а её желудок уже вовсю урчал от голода, поспешно поднялась и вытерла слезы:

— Хорошо, я помогу.

Цзян Цяньэр взяла миску и вышла из комнаты, уводя за собой Чжоу Сюэр. В котелке еще оставался костный бульон, свиные ножки и мясо — аппетитный аромат наполнил старую кухню. У Чжоу Сюэр от запаха потекли слюнки. Она думала, что невестка даст им лишь похлебать бульона, но та достала белую муку, раскатала лапшу, добавила её в наваристый костный бульон и положила туда разваренные свиные ножки.

Дома она никогда не ела такой вкусной еды. Даже когда покупали свиные потроха, всё лучшее доставалось Чжоу Цяоэр, Чжоу Шаньцзу и отцу. Им с братом обычно перепали лишь объедки, а если их не оставалось, то просто разбавленный кипятком бульон.

Цзян Цяньэр не знала, что творится в душе у Сюэр. Она дала им по большой миске лапши, а сама занялась делами: поставила вариться лекарство для мужа и нагрела воды.

Чжоу Сюэр и Чжоу Шаньхай съели всё до последней капли и громко икнули. Поев такой

дорогой белой муки, они чувствовали себя неловко перед невесткой. Чжоу Сюэр молча перемыла посуду, а Шаньхай наполнил водой чан. Оба не уходили, наблюдая за тем, как хлопочет Цзян Цяньэр.

Та не обращала на них внимания. Сварив лекарство, она отнесла его мужу, дождалась, пока он выпьет, и, хитро блеснув глазами, сказала:

— Муж, Сюэр очень напугана, пусть она останется у нас на ночь.

Чжоу Синшань замер с миской в руках. В доме было всего две комнаты и кухня. Раньше Цзян Цяньэр с ним не спала, а занимала другую комнату. Если сестра останется, то эта странная сущность, что сейчас в теле Цзян Цяньэр, будет жить с ней в одной комнате. И дело было не в сестре, а в том, что эта глупышка могла ляпнуть что-то невероятное, заставив Сюэр заподозрить неладное и разболтать всем лишнего. Но если прогнать сестру, та наверняка всю ночь не сомкнет глаз от страха.

В конце концов, это была его родная сестра. Поразмыслив, Чжоу Синшань ответил:

— Хорошо, пусть остается. Ты сегодня поспишь со мной, а она ляжет в твоей комнате.

Да!

Цзян Цяньэр мысленно похвалила себя. Какая же она умница! Теперь она будет делить постель с мужем, лежать на одном канне — совсем скоро дело дойдет до поцелуев и объятий!

Узнав, что может остаться у брата, Чжоу Сюэр пришла в восторг и перенесла все запасы риса и муки из кухни в дом, чтобы они были в безопасности. Видя радость сестры, Чжоу Шаньхай промолчал и в темноте отправился домой.

Места, где можно было помыться, не было, а от пота тело стало липким. Цзян Цяньэр принесла в комнату воду для умывания и, как ни в чем не бывало, невинно спросила:

— Муж, на улице слишком темно, навеса нет, помыться негде. Я сполоснусь здесь, в комнате?

Лицо Чжоу Синшаня мгновенно вспыхнуло, покраснев до самых ушей.

— Ты... ты собираешься умываться... прямо здесь, в моей комнате?

<http://bllate.org/book/21704/2241620>